

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-3/175-187

Научная статья

© Г. С. Поповкина

МЕДИЦИНСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ЮКАГИРОВ

Статья посвящена исследованию традиционных медицинских представлений юкагиров. Сведения, имеющиеся в работах путешественников, миссионеров и этнографов XIX — начала XX в. часто обрывочны и не систематичны, а проблемы, затронутые в них, до сих пор не становились предметом целенаправленного изучения. Не анализировались представления юкагиров о гигиене, здоровье и болезнях, то есть те ценности и смыслы, которые сопровождают человека всю жизнь. Имеющийся материал систематизирован и проанализирован с целью интерпретации его символической, смысловой составляющей. Методологической основой исследования стала идея дильтееевского герменевтического круга, согласно которой понимание какого-либо феномена требует периодически восходить от рассмотрения конкретных аспектов к общему панорамному видению. Выявлено, что для традиционных медицинских воззрений юкагиров характерны мистико-магические представления о болезнях и лечении (персонификация болезни, контакт с духами и т. п.). Эти понятия обуславливают способы лечения: в арсенале юкагиров имеются как рациональные (траволечение, окуривание, прижигание, массаж и др.), так и магические способы воздействия. Имелось как правильное понимание анатомии человеческого тела и функционирования его органов, так и иррациональное. Представления о гигиене, здоровье, болезнях и их лечении в традиционной культуре юкагиров хорошо развиты и сохранились как в этнографических записях XIX–XX вв., так и в языке, что позволяет не только составить картину их народно-медицинских знаний, но и в некоторой степени определить их ценностные ориентиры и смыслы.

Ключевые слова: юкагиры, традиционная культура, представления о болезни и здоровье, санитария и гигиена, духовные ценности

Ссылка при цитировании: Поповкина Г. С. Медицинские представления в традиционной культуре юкагиров. Вестник антропологии. 2025. № 3. С. 175–187.

UDC: 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-3/175-187

Original article

© Galina Popovkina

MEDICAL IDEAS IN THE YUKAGHIR TRADITIONAL CULTURE

The article is devoted to the study of traditional medical concepts of the Yukaghirs. The information available in the works of travelers, missionaries and ethnographers of the 19th — early 20th centuries is often fragmentary and unsystematic, and the problems addressed in them have not yet been the subject of targeted study. The Yukaghirs' ideas about hygiene, health and diseases — that is, those values and meanings that accompany a person throughout life — have not been analyzed. The available material is systematized and analyzed in order to interpret its symbolic and semantic component. The study's methodology is based on Dilthey's hermeneutic circle, according to which any phenomenon must be understood by periodically ascending from considering specific details to a general panoramic vision. It was revealed that the traditional medical views of the Yukaghirs are characterized by mystical and magical ideas about diseases and treatment (personification of the disease, contact with spirits, etc.). These concepts determine the methods of treatment, which included both rational (herbal medicine, fumigation, cauterization, massage, etc.) and magical ones. They had a correct understanding of the anatomy of the human body and the functioning of its organs, as well as an irrational one. The ideas about hygiene, health, diseases and their treatment in the Yukaghir traditional culture were well-developed and have been preserved both in ethnographic records of the 19th-20th centuries and in the language, which allows us not only to create a picture of their folk medical knowledge, but also to some extent to determine their value guidelines and meanings.

Keywords: Yukaghirs, traditional culture, ideas about illness and health, sanitation and hygiene, spiritual values

Author Info: Popovkina, Galina S. — Ph.D. in History, Senior Resercher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East Far Eastern Branch of the Russian Academy of Science (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: galina.popovkina@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6521-8658>

For citation: Popovkina, G. S. 2025. Medical Ideas in the Yukaghir Traditional Culture. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 3: 175–187.

Юкагиры — один из малочисленных народов Севера, представлявшего для исследователя загадку как в середине XIX в., так и в настоящее время. Изучение истории и культуры народа невозможно без учета представлений о гигиене, здоровье, болезнях, их происхождении и лечении — важнейшей составляющей для выживания, сохранения и продолжения жизнедеятельности. Кроме того, система жизнеобеспечения, а именно медицинская культура, содержит в себе основные мировоззренческие представления, стереотипы, образцы поведения и реакции на происходящие события. До настоящего времени эта область жизни юкагиров находила лишь частичное отражение в ряде работ, посвященных культуре юкагиров в целом, а также в заметках путе-

шественников и миссионеров XIX — начала XX в. (Я. И. Линденгау, В. И. Иохельсон, В. М. Зензинов, А. Аргентов и др.), которые нередко говорили об одних и тех же явлениях повседневной жизни, более всего поразивших их, и не заостряли внимания на объяснении этих феноменов. Их сведения часто обрывочны и не систематичны, проблемы, затронутые в них, до сих пор не становились предметом целенаправленного изучения; так же не анализировались представления юкагиров о гигиене, здоровье и болезнях, то есть те ценности и смыслы, которые сопровождают человека всю жизнь. Исключение могут составить только шаманские целительские обряды и связанные с ними воззрения. Тем не менее, несмотря на разрозненность и обрывочность источников, представляется интересной задачей сбор и анализ имеющихся материалов с целью систематизации и интерпретации их символической, смысловой составляющей, поскольку, как известно из идеи дильтееевского герменевтического круга, понимание какого-либо феномена требует периодически восходить от рассмотрения конкретных аспектов к общему панорамному видению. Поэтому в данной работе будет предпринята попытка выстроить общую картину медицинских воззрений юкагиров с опорой на уже опубликованные труды и источники по их истории и культуре.

Санитарно-гигиенические условия и представления о здоровье, гигиене и происхождении болезней

Заметки миссионеров, путешественников и ссыльных свидетельствуют о тяжелой ситуации в области санитарии и медицинской помощи населению в районах Крайнего Севера России XIX — начала XX в. Все, кто был свидетелем жизни юкагиров, были единодушны во мнении, что причиной их вымирания становились эпидемии (преимущественно оспы) и голод, неизбежный «при их быте, остающемся и теперь почти таким же, каким он был триста лет тому назад» (Майнов 1927). Ссылаясь на записи ссыльного доктора С. И. Мицкевича, И. И. Майнов отметил, что «Здоровье населения в плохом состоянии; в особенности это можно сказать о нервной системе: из 29 опрошенных мною мужчин и 38 женщин 17 мужчин и 22 женщины страдали сильными истерическими припадками с кратковременным или длительным затмением сознания... У юкагиров (как вообще у всего населения Якутской области) глистность необыкновенно часта, что зависит от употребления в пищу сырой рыбы. В остальном здоровье юкагиров тоже не важно: я нашел несколько туберкулезных, много слепых от трахомы. Сифилис, к счастью, распространен мало... Надо еще отметить малую плодовитость женщин и большую детскую смертность» (Майнов 1927). Наиболее распространенными болезнями миссионер А. Аргентов, проживший на Колыме 15 лет и совсем «объюкагирился», замечал: «Болезни: тиф, корь, оспа, сифилис, elephantia, цинга, жиганка, омеряки. Сюда же приходится причислить и некоторые физиологические недостатки, отличающие туземца. Туземный тиф не что иное как вторая степень голодной горячки. Третья степень — смерть» (Аргентов 1869: 20). Также он считал, что причиной многих болезней на северо-востоке является холодный и влажный климат: «Воздух в низменных долинах отзывается гнилостно, а в городах он проницателен. Горячки истребительные здесь не редкость, зато корь приходит годов через 50, оспа через 80, лихорадка вовсе неизвестна» (Аргентов 1857: 17–18).

Жизнь в суровой обстановке холода, минимум бытовых приспособлений, трудности в добывании воды и ее использовании (особенно зимой) и пр., конечно же,

сказывались на ведении хозяйства и санитарном состоянии домашнего уклада. Путешественники отмечали стесненность жилища и неприемлемые для них особенности гигиенических процедур: «Много было интересного в обстановке и быте юкагиров, но мало приятного. Дым нестерпимо ел глаза, близкий огонь жег лицо, пока спина стыла от холода, скрюченные ноги затекали. Но тяжелее этого была грязь, в которой они жили — есть приходилось скрепя сердце... Посуда была более чем сомнительной чистоты — я с ужасом смотрел на то, как старуха, прежде чем налить чаю в мой стакан, старательно вылизала его со всех сторон языком... поэтому я больше налегал на строганину, эта еда была, по крайней мере, чистой» (Зензинов 1914: 124). Однако В. И. Иохельсон считал, что «по сравнению со своими соседями юкагиры очень опрятны», в чем видел следствие связи юкагиров с русскими, образу жизни которых они стремились подражать: «Они очень высоко ценят мыло и выпрашивают его, при возможности даже покупают мыло. Молодые мужчины и женщины содержат лицо в чистоте и часто моются. Все юкагиры по утрам умываются», этот обычай и способ его выполнения, по мнению исследователя, заимствованы у русских (Иохельсон 2005: 65). Несмотря на соседство с реками, юкагиры никогда не купались и не мыли голову, но любили расчесывать волосы. Особенно им нравились русские гребни, так как «деревянные и kostяные гребни их собственного изготовления малопригодны для содержания в чистоте волос» (Иохельсон 2005: 65). Видимо, наличие вшей было обычным делом и даже вошло в присказку о храбрости: «Когда начинали смотреть на меня даже страшнее тебя люди, выпучив глаза, у меня даже вши не пошевелились» (Курилов 2001: 206). Юкагиры считали, что вши служат показателем здоровья, а покидают человека только перед его смертью (Иохельсон 2005: 66). По мнению В. И. Иохельсона, старые юкагиры менее опрятны, чем молодежь (Иохельсон 2005: 66). Следствием плохого или редкого мытья головы была перхоть: «Если долго не мыть голову, внутри волос появляется нечто белое, вот это называют “перхотью”» (Курилов 2001: 133).

Для вытирания посуды, стола, а также в качестве салфеток использовали «мочалку» из наструганной ивы (Иохельсон 2005: 65): «Мочалку для мытья изготавливали. Сначала снимаем кору тальника, [затем] стругаем» (Курилов 2001: 208).

Детям делали подгузники, ввиду необходимости защитить несмышленого ребенка от холода: этот предмет гигиены изготавливали из кожи, куда клался высушенный мох (Курилов 2001: 20–21, 123 и др.). В санитарно-гигиенических и профилактических целях применяли окуривание дымом от зажженного багульника — над ним «трясли» и «размахивали» вещи (Курилов 2001: 148, 376, 498) и даже очищали себя: «Себя ты окуришь, чтобы кости твои легкими стали» (Курилов 2001: 376). Я. И. Линденау отмечал, что «влюбчивые» юкагирские женщины «очищаются водой и дымом и совершают это больше для того, чтобы задержать заражение французской болезнью (сифилисом), которая у них процветает и резко прогрессирует» (Линденау 1983: 155). По мнению В. И. Иохельсона такими заболеваниями, профилактикой которых по большей части становится соблюдение личной гигиены, например, чесоткой, юкагиры не страдали (Иохельсон 2005: 68), однако в языке у них есть слова и прослеживаются представления о таких болезнях как чесотка и сыпной тиф (Курилов 2001: 382, 438).

В представлениях юкагиров болезни нередко персонифицируются в виде какого-либо мифологического существа или имеют магическую природу. Так, оспа («великая болезнь» (Иохельсон 2005: 66)), от которой порой вымирали целые юкагирские роды, представлялась в виде «злого иноземного духа болезни, привезенного

русскими... в образе русской босоногой женщины с русыми выюющимися волосами, которая ловила и поедала тени-души юкагиров» (Жукова 2022: 199). Юкагирский ученый и писатель Н. И. Спиридонов (Тэки Одулок) считал, что прототипом иноземного духа была «сказочная старушка» [кож ерге], реализовавшаяся как дух оспы и получившая «русский» облик (Спиридонов 1996: 51). Записанное В. И. Иохельсоном предание о встрече юкагиров и русских, после которой к юкагирам пришла оспа, говорит о мистическом восприятии произошедшего: русские выпустили из ящика оспу, так как не могли «взять их» (юкагиров), после чего «все просто дымом покрылось», а юкагиры умерли прямо на своих плотах (Иохельсон 1900: 92–93).

Одной из самых распространенных болезней среди юкагиров был ревматизм, спровоцированный необходимостью подолгу стоять в холодной речной воде. В представлениях юкагиров его вызывает злой дух, зарывающийся в мужскую одежду (Иохельсон 1900: 68). Вообще, окружающих человека духов обижать нельзя, иначе можно заболеть, например: «На языке высокочит болячка, не плуй в огонь», «Настроение духа земли не порти — тут же умрешь», «Говоря: “Счастье свое напугаешь”, — не разрешали трясти руками [после мытья]» (Курилов 2001: 137, 150, 203). Это связано с языческими представлениями об одушевленности окружающего мира, когда «добрые и злоказненные силы... “от нас кушать просят”. Считается, что обиженный дух или природная сила может начать вредить человеку вплоть до трагического исхода» (Жукова 2022: 199).

Интересные семантические параллели обнаруживаются при анализе слов и выражений, обозначающих состояние здоровья или состояние при некоторых заболеваниях. Так, у юкагиров одно слово означает: выделывать, лечить, поднимать дух (Курилов 2001: 40), то есть физическое здоровье должно непременно сопровождаться бодрым состоянием духа, хорошим настроением. Ему можно противопоставить выражение со словом «камун», означающим, среди прочего, «быть жидким, ненаваристым» и «быть не в настроении», «чувствовать себя неважно» (Курилов 2001: 41–42). Представления о связи ментального и физического состояния проявляются и в других выражениях, например, «Этот человек стал беспокоиться (букв.: начал крепко держать живот)» (Курилов 2001: 78), «Когда уши плохо слышат, и ум не пробуждается» (Курилов 2001: 476, 486), затрудненная способность говорить описывается состоянием связности: «быть привязанным» означает «быть заикающимся» (Курилов 2001: 82). Про человека со слабым сердцем говорят «сердцем горький» (Курилов 2001: 62), то есть, слово «горечь» (как плохой вкус и как тяжелое психологическое состояние) используются для обозначения физической проблемы — слабости сердца.

У юкагиров не принято называть болезнь прямо (Курилов 2001: 384), так же, как и «О болеющем человеке не говорят “болеет” — еще более тяжелым станет [его состояние]» (Курилов 2001: 99), по-видимому, опасаясь привлечения духа болезни, что тоже связано с восприятием мира как живого, населенного духами.

Жизнь человека понимается как дорога, путь, соответственно, конец жизненного пути — это конец дороги: «Вот и подошел конец твоей дороги, наверное, захотел ехать к родителям» (Курилов 2001: 107), поэтому “обогнать кого-то” употребляется в значении “умереть раньше”: «О, сестра, кажется, я окажусь впереди [т. е. раньше умру]» (Курилов 2001: 156). Об умирающем говорят: «Он пошел по дороге смерти», «Давно встала в ту [могильную] сторону» и т. п. (Курилов 2001: 100, 119). Выраже-

ние со значением «размять суставы» применяется также для определения камлания у постели умирающего, для «выпрямления» ему правильной дороги в иной мир (Курилов 2001: 118). Смертельно больного и вследствие этого сильно изменившегося человека называют словом, обозначающим тень, призрак, часть чего-то полноценного: «Я увидел лишь тень, призрак его [об умирающем]» (Курилов 2001: 141). Жизнь связана с дыханием и питанием, поэтому лишение кого-либо жизни приобретало значение «закрывания рта»: «Из-за того, что она [новорожденная] была сироткой, сказали: “Закроем рот” (т. е. умертвим)» (Курилов 2001: 50). Умершего необходимо было «прибрать» (похоронить со всеми необходимыми ритуалами) (Курилов 2001: 112). Следует отметить, что в фольклорных записях исследователей конца XX в. у юкагиров в качестве злокозненных сил выступает также персонифицированная смерть (Жукова 2022: 200).

Состояние здоровья может быть выражено словами «быть хорошим, ладным» (Курилов 2001: 42), «быть крепким (живучим)» (Курилов 2001: 67), причем худоба не может быть признаком здоровья, наоборот, «поправиться» (выздороветь) и «набрать жир» употребляются как синонимичные выражения (Курилов 2001: 40). В то же время дискомфорт, например, от ожидания, способен привести к похудению: «Очевидно, я похудею... Какая маята, это ожидание! Аж похудеешь!» (Курилов 2001: 159, 229).

Жизнь человека в представлениях юкагиров связана с дыханием, страстью, вдохновением, увлеченностью: «Жизнь наша уменьшилась. Страсти (порыва, вдохновения) нет» (Курилов 2001: 78). Когда поправляется больной, говорят: «Дыхание его плотным, прочным стало» (Курилов 2001: 41, 67). В некоторых случаях слово «дыхание» имеет прямое значение «жизнь»: «Пусть даст возможность передвигаться [т. е. жить], добавит им дыхания [т. е. жизни]» (Курилов 2001: 269). Напротив, болезнь мешает человеку двигаться: «Часто болеющий человек, работая, отдыха ждет» (Курилов 2001: 110).

Большое внимание уделяется взгляду как сосредоточению жизненных сил: «Глаза его прямые и остры, взгляд сильный» (Курилов 2001: 206-207), что, кстати, как самостоятельный признак или в сочетании с другими может свидетельствовать о вредоносности такого человека как источника неприятностей и болезней: «Дети, будьте осторожны, как-то очень сильны лучи его глаз!» (Курилов 2001: 135), «Будьте осторожны, детки, как-то силен его взгляд! Как-то очень легки (сильны) его суставы [ног]» (Курилов 2001: 207). Настороженность вызывает необычное состояние глаз, например, учащенное, «резкое» мигание (Курилов 2001: 135). Напротив, «хорошие» глаза — это «спокойные» глаза: «Спокойные глаза имеет — наверное, так говорили о ребенке с хорошими глазами» (Курилов 2001: 151). Выражение «обрести зрение» означало «обрести жизнь»: «Раньше, когда родится дитя, говорили “дитя обрело глаза [зрение]”, должно быть, предостерегаясь [от опасностей] так говорили» (Курилов 2001: 31). Среди охотников-юкагиров считалось даже, что «женский глаз задавит удачу» (Курилов 2001: 195). Также была распространена вера в магическое появление болезней, например, в результате злокозненных слов и действий (Курилов 2001: 47, 150): «Тогда люди твоего отца моего старшего брата болеть заставили [заворожили]...» (Курилов 2001: 110).

Представления о полезных для здоровья действиях также имеют как рациональную, так и мистико-магическую природу. Так, считалось, что «очень хорошо походить в утреннюю свежесть» (Курилов 2001: 22). Целесообразность этого действия вполне можно объяснить закаливающим эффектом, в то же время представления о том, что «Если больному ребенку дать немного походить под грозовым дождем без

головного убора, то болезнь будто бы проходит» (Курилов 2001: 263) имеют явно магический характер — видимо, очищающая сила воды должна унести болезнь, «очистить» от нее ребенка. Другой способ, вероятно, помогал обмануть, запутать духа болезни: «Чукчи давали детям родственников-юкагиров свои имена, чтобы те были здоровыми» (Курилов 2001: 161).

Анатомические познания

В. И. Иохельсон отмечал «более-менее правильное представление об анатомии человеческого тела» и функционировании его органов, что связывал с обычаем расчленения трупов шаманов. По его мнению, юкагиры различают вены и артерии (Иохельсон 2005: 70). Это же подтверждают и данные юкагирско-русского словаря: «Аорта вдоль позвоночника доходит вдоль поясницы и до шейного позвоночника» (Курилов 2001: 164). Юкагиры понимали связанность пульса и сердца, называя пульс «маленькое сердце» (Иохельсон 2005: 70) и указывая его нахождение на руке (Курилов 2001: 131). Отмечал исследователь и замечания юкагиров о функциях некоторых органов: почки помогают желудку переваривать пищу, печень способствует сну, а «командует» телом сердце, однако «человек с большим сердцем — ленивый и медлительный, а с маленьким сердцем — живой и активный» (Иохельсон 2005: 70). В то же время, «О человеке, любящем постоянно спать, говорят: “У него сон густой”» (Курилов 2001: 111). Также юкагиры знали о нахождении мозга в черепе (Курилов 2001: 133) и различали темя или родничок у младенцев (Курилов 2001: 131, 149). Важный этап при рождении ребенка — завязывание пуповины: «Пуповина — длинная, соединена с плацентой. Сама отъединяется (завязывают...) Превращается в пуп, когда заживает» (Курилов 2001: 295). Также важно было сохранять на месте пупок, иначе, надорвав его, можно лишиться жизни (Курилов 2001: 171). Если пупок «сдвигается со своего места» в результате поднятия тяжестей или неловкого прыжка, то обращаются к «опытным людям», которые умеют «возвращать» его: «Они нажимают на больное место рукой и продвигают ее в таком положении по направлению к пупку. Затем они крутят пупок рукояткой ножа, как бы закручивая винт, после чего, как они говорят, боль исчезает» (Иохельсон 2005: 69), (кроме того, при болезнях живота применяли отвар корня пупковой травы, так как думали, что смешается корень пупка) (Иохельсон 2005: 596). Современные ученые также придерживаются мнения, что юкагиры довольно хорошо знали анатомию и, «вскрывая трупы, они пытались найти причину болезней» (Федорова и др. 2006).

Беременность и роды

Отсутствие у юкагиров необходимых родовспомогательных средств отмечал В. И. Иохельсон, считая это и необходимость быстрого включения женщины в хозяйственную деятельность причинами хронических заболеваний, нервных расстройств и раннего старения. Беременность сопровождалась рядом представлений о влиянии поведения женщины, ее питании и т. п. на будущего ребенка. Так, чтобы ребенок не «прилип» к боку, животу или спине женщины и смог благополучно родиться, женщина не следовало есть сало коровы или оленя, хаях, рыбий клей или рыбу, из которой его делают и др. жиры, которые «замораживаются» в желудке и задерживают ребенка.

Можно есть коровье масло и конское сало, которые в желудке «растворяются» (*Иохельсон* 2005: 151–152). Также беременной не следовало употреблять в пищу голову налима, иначе «слюна у ребенка будет капать. Даже когда вырастет, будет капать, рот его все время мокрым [будет]» (*Курилов* 2001: 433). Кроме того, женщина в период беременности должна была быть активной, быстро работать, мало спать и т. п. Ей не разрешалось возвращаться с середины пути, лежа поворачиваться с боку на бок, для шитья нужно было скручивать только короткую нитку, двум беременным нельзя пользоваться одним котлом или кувшином, одной прорубью и т. п. одновременно. Окружающие не должны были повышать голос или кричать в присутствии беременной женщины, обходить вокруг дома, в котором она живет. Все эти меры должны были обеспечить быстрое и незатрудненное рождение ребенка (*Иохельсон* 2005: 154–155).

Беременность у юкагиров обозначалась как «ноша»: «Неужто опять носит ношу [т. е. беременна]» (*Курилов* 2001: 77), соответственно, тяжелые роды — «тяжелая ноша» (*Курилов* 2001: 99). О ребенке, родившемся, не причинив мучений матери, говорили: «Очень легко (ловко) родился» (*Курилов* 2001: 68).

Среди юкагиров были женщины-«повивальные бабки» (*Курилов* 2001: 21, 204, 448), как правило, известные в округе: «Ваша мать-бедняга носилась, бегала по многим детям [в качестве повивальной бабки]» (*Курилов* 2001: 220), которые не только принимали роды, но и помогали первое время женщине по хозяйству: «Повитуха там трудится — кормит и делает все другое. Как только роженица начнет ходить, [повитуха] уходит» (*Курилов* 2001: 533). По-видимому, местные повитухи были вос требованными людьми, хотя И. В. Иохельсон был невысокого мнения об их искусстве, называя их практику «варварской» (*Иохельсон* 2005: 150). Действительно, в акушерстве юкагиров довольно много иррациональных действий: например, роженице, если ребенок «прилип», давали пить мыльную воду, ей следовало взять в рот свои волосы (В. И. Иохельсон не без оснований считал, что эти способы заимствованы юкагирами у русских) (*Иохельсон* 2005: 152), в процессе родов активно использовалось грубое физическое воздействие на живот женщины, что, конечно, было чревато трагическими случаями (*Иохельсон* 2005: 156–157). В случае смерти женщины ребенка убивали, позже стали стараться вскормить и вырастить (*Иохельсон* 2005: 161): «Когда умерла старшая дочь тети, боясь, что ее дети не будут держаться (не сохранятся), позвали шамана» (*Курилов* 2001: 29).

Традиционно женщина оставалась в постели два–три часа, из дома начинала выходить на следующий день. На четвертый день ее обмывала повивальная бабка, а сама женщина мыла руки повитухи, вытирая их свежей ивой стружкой или своими волосами. Повивальная бабка окуривала женщину дымом, совершая обряд очищения, после чего женщина приступала к бытовым обязанностям (*Иохельсон* 2005: 160–161). Для стимулирования выработки молока роженицу поили чаем с молоком, бульоном, кормили свежей олениной (*Курилов* 2001: 89–90); грудное вскармливание продолжали обычно три–четыре года, до наступления следующей беременности (*Иохельсон* 2005: 161).

Болезни, травмы и их лечение

Наиболее губительными и опустошительными для юкагиров оказывались эпидемические вспышки оспы и кори, которую на Колыме называли «красной оспой»

(Туголуков 1979: 39). Перед оспой робели даже самые опытные шаманы: «Самые лютые, т. е. самые знаменитые шаманы в робость приходят от оспы. А если уж шаман растерялся, — о всех прочих нечего и говорить: все упали духом, и паника усиливает зло» (Аргентов 1869: 24). К сказанному выше об оспе стоит добавить, что вакцинацию коренного населения северо-востока против оспы пытались проводить путешественники-энтузиасты и миссионеры (Аргентов 1869: 23–24).

«Дурная болезнь» сифилис «отравляла народ постоянно» и, по мнению В. И. Иохельсона, была причиной распространенных среди юкагиров бесплодных браков (Иохельсон 2005: 67–68). Точки зрения о распространенности сифилиса у народов Севера и юкагиров в том числе придерживаются практически все исследователи и путешественники. Однако по словам Н. И. Спиридонова (Тэки Одулока) венерических заболеваний среди одулов нет, редко встречаются чесотка, экзема, туберкулез, а оспа и корь приобретают форму эпидемий (Спиридонов 1996: 44). В настоящее время ученые склонны считать, что время появления в Сибири венерических болезней, в частности сифилиса, точно установить невозможно. Он проникал разными путями из Японии, Китая, Америки (Федорова и др. 2006). Это мнение позволяет пересмотреть распространенный тезис о том, что сифилис распространился среди народов северо-востока только из-за контактов с русскими. Попытки предупреждения этого заболевания юкагиры не предпринимали, либо использовали окуривание (Линденау 1983: 155).

Разнятся сведения о наличии у юкагиров такого заболевания как «желтуха»: по данным В. И. Иохельсона они не подвержены этой болезни (Иохельсон 2005: 68), а Н. И. Спиридонов, напротив, привел описание магического средства излечения от нее: с помощью заклинания духа болезни переселяли в щук, которых затем убивали, после чего засыпали песком, чтобы духи желтой болезни, перешедшие в щук, были зарыты землей (Спиридонов 1996: 43).

Среди болезней пищеварительных органов наиболее распространенными были гельминтозы. Видимо, народные средства борьбы с этой напастью не были распространены: так, Н. И. Спиридонов описывал свою встречу с подверженным этой болезнью стариком, который, судя по всему, не принимал никаких средств излечения (Туголуков 1979: 40).

Болезни глаз были причиной слепоты (см. упомянутые выше заметки С. И. Мицкевича); часто случалась «снежная слепота», которую лечили натиранием внутренней стороны век грубой травой («трава, которая излечивает глаза») с последующим закапыванием в глаза женского молока, накладыванием повязки и сном (Иохельсон 2005: 70–71). Для снятия воспаления глаз выдергивали щипчиками ресницы, катараクトу посыпали церковным ладаном (Иохельсон 2005: 70). Трахому Н. И. Спиридонов назвал социальной болезнью (Спиридонов 1996: 43). Еще одной болезнью, вызванной тяжелыми условиями жизни, голodom, была сонная болезнь, или «анаа», выражавшаяся в безразличии ко всему, сонливости, апатии. Сами юкагиры считали ее причиной злого духа «анаа» и лечили ее путем сильного нажатия пальцами на кожу между бровями, грудями, на позвоночник (Иохельсон 2005: 69–70). Более подробное описание лечения сонной болезни дает Н. И. Спиридонов: «...Выдавливают кровь из переносицы, на щеках, на груди и на спине, где кожа вздувается и кровь запекается на ней в виде огромных красных пятен. Если такое выдавливание крови не поможет больному, и он не перестанет спать, тогда эти вздутые места подрезают ножичками из кремния (обязательно кремния) и выпускают кровь» (Спиридонов 1996: 44). Кровотечение из носа,

гортани и т. д. останавливали, пуская кровь, подрезая артерии и вены на руке острым краем кремня (*Спиридовон 1996: 43*). Сонную болезнь Н. И. Спиридовон относил к разновидности цинги (*Спиридовон 1996: 44*). По замечаниям священника А. Аргентова от цинги «Туземное пользование: табак за щеку клади, кирпичный чай пей, рот взваром сланцевой коры полощи» (*Аргентов 1869: 25*).

В условиях экстремального холода частыми спутниками юкагиров были, по мнению путешественников конца XIX в., «грипп, бронхит, плеврит», ввиду того что юкагиры плохо одевались (*Иохельсон 2005: 69*). Распространенным способом лечения воспаления горла было питье настоя смородиновых листьев и применение травы сушеницы (*Иохельсон 2005: 71, 596*). Возможно, более поздним методом терапии, заимствованным у русских, является прогревание горла над горячим паром: «Заставил дышать над кастрюлей, говоря, что тогда пройдет ангину» (*Курилов 2001: 27*), как и способ прогревания в бане: «Иди потеть в парную бани, болезнь твоя сама пройдет» (*Курилов 2001: 390*). Для профилактики кашля сыпали в огонь дикий чабрец и вдыхали дым (его листья прикладывали ко лбу и при головной боли) (*Иохельсон 2005: 71, 596*), также кашель лечили жжеными продуктами: «Если кашель одолевает, печень, поджарив [обуглив], вместе с обугленным местом едят» (*Курилов 2001: 496*). В случае туберкулеза больной разыскивал в лесу летягу и старался выпить ее испражнения, после чего, считалось, должно наступить выздоровление (*Спиридовон 1996: 44*).

По данным Н. И. Спиридовона среди юкагиров существовала «какая-то неизвестная пятнистая болезнь», а человек с такой болезнью считался обладателем дара охранять скот от эпизоотии (*Спиридовон 1996: 44*). Если на теле появлялись опухоли или болезненные пятна, их лечили прижиганием (*Иохельсон 2005: 71*). Прижигание раны производилось раскаленным камнем: «Большой камень докрасна раскалил и на рану положил» (*Курилов 2001: 307*), после чего «О болячке тоже, когда начала заживать, говорят: “Пошла на убыль”». Также раны покрывали тонкими стружками ивы или горной сосны (*Иохельсон 2005: 71*), а позднее промывали и накладывали повязку: «Водой промыв рану, обвернешь марлей» (*Курилов 2001: 137*). Для лечения открытых ран также применялся мох (*Иохельсон 2005: 596*). В некоторых случаях, например, для избавления от нарываов, использовалась слюна: «Фурункул если по-слюнявить, хорошо бывает» (*Курилов 2001: 443*). Слюной собаки лечили опрелости у детей: «Если дать лизать собаке промежность ребенка, то проходит это покраснение» (*Курилов 2001: 307, 407*). При лечении бородавки прибегали к магическим методам: «Некоторые, стоя за дверью, высунув [к луне] руку [с бородавками], так делают [просят луну излечить бородавки]» (*Курилов 2001: 145*). Для смазывания ожога использовали хаях — вид масла, которое готовили якуты из сметаны (*Иохельсон 2005: 151*): «Тогда якуты кулями привозили хаях, его клали на место твоего ожога» (*Курилов 2001: 184*). В настоящее время хаях продолжает использоваться в традиционной кухне народов Якутии, более того, появились новые способы его производства и употребления (*Ефимова 2006*).

В случае вывихов старались снять отёк: «На опухшем месте держи лед или снег» и вправить сустав с помощью массажа (*Курилов 2001: 183, 163*). Юкагиры различали особую болезнь, когда отекает сустав. Она могла быть и у оленей, и у людей: «Внизу копыта будут нормальными, где-то повыше над сухожилием бугорок появляется. Это называют “чаатикаа”... Когда олень начинает хромать [не из-за копытицы], говорим

[мы]: “Должно быть, жидкость образовалась в суставах”… Я тоже, кажется, заболел чатыкой» (*Курилов 2001: 528*). Отдельное слово обозначало болезнь ног: «Растяжение сухожилий бывает, это называют “чатикаа”. “Бэчэнэ” — тоже болезнь ног», причем этим словом обозначается и заболевание ревматизмом, и копытица у оленей (*Курилов 2001: 56*). При копытице, возникающей, когда «олень все время ходит по воде», оленей лечили следующим образом: «Когда олень заболевает копыткой, в ту болячку впихивают… нагар… [от курительной трубы], чтобы гной вышел» (*Курилов 2001: 136, 246, 248, 549*). Здоровье, подвижность суставов, как залог возможности движения, нашло отражение в выражении «не потерять сустав», то есть продолжать, хоть и с трудом, немного ходить, не лежать постоянно от старости (*Курилов 2001: 242*).

Магическое лечение болезней можно разделить на две группы: бытовое и выполняемое специалистами-шаманами. Некоторые приемы бытовой лечебной магии приведены выше. Также практиковалось магическое лечение энуреза у детей, в котором главное место отводилось уподоблению ребенка сухому крюку: «“О, как деревянный крюк [для подвешивания над огнем котлов и т. п.] пусть высохнет!” — говоря, качаем, на том крючке посадив ребенка, привыкшего по ночам мочиться в постели» (*Курилов 2001: 117*). Магическим способом пытались остановить и кровотечение из раны: «Если порежут руку или ногу ножом, то плюют на острие его и бросают на землю позади себя» (*Спиридонов 1996: 43*).

Традиционно главным средством лечения, по выражению И. В. Иохельсона, были ритуальные действия и колдовство шаманов, заключающееся в изгнании из тела больного злых духов или возвращении души, покинувшей тело (*Иохельсон 2005: 71, 272*). Использовался и прием «переселения» болезни человека в животное: «Если человек болеет, шаман в рот оленя кладет слюну больного» (*Курилов 2001: 110*). Некоторые исследователи к знахарям относят шаманов, которые «наряду с … языческими культовыми приемами применяли рациональные методы лечения», а отсутствие в достаточном количестве врачей и больниц вынуждало местные администрации «в период эпидемий привлекать знахарей, деятельность которых иногда высоко оценивалась» (*Федорова и др. 2006: 259*). По наблюдениям В. И. Иохельсона среди миссионеров, преследовавших шаманов, встречались и те, кто верил в силу шаманских духов, а в случае болезни и сами «были не прочь обратиться к помощи шаманов» (*Иохельсон 2005: 235*). Любопытно народное наблюдение по поводу платы шаманам за камлание (лечение): «Кузнец и шаман никогда не становятся богачами» (*Курилов 2001: 225*).

Особую категорию болезней, досаждавших юкагирам, были нервно-психические заболевания, которые В. И. Иохельсон называл «арктической истерией», выделяя несколько её видов по причинам воздействия и особенностям протекания у больного. Иногда эти болезни приобретали характер эпидемии. В некоторых случаях (например, при состоянии «мэнэрик» или «шармориэл») считалось, что в человека вселился злой дух, поэтому приглашали шамана для его изгнания (*Иохельсон 2005: 71–80*). Замечено также, что у юкагиров есть слово, отличающее истерию от подлинного помешательства (*Иохельсон 2005: 80*). Несвойственное человеку поведение также расценивается как признак болезни: «Тот, бедный, от болезни начал все время улыбаться» (*Курилов 2001: 24*). Опьянение и сумасшествие у юкагиров обозначаются одним и тем же словом (*Курилов 2001: 87*), что, видимо, связано с общей чертой этих состояний: неконтролируемое, неадекватное поведение.

Использовали юкагиры в медицинских целях и лекарственные растения, способы применения которых были рассмотрены раньше. Примечательно, что представления о происхождении, употреблении ягод и грибов влияли на внедрение их в повседневное меню. Так, по наблюдениям В. И. Иохельсона юкагиры употребляют в пищу шестнадцать видов ягод (многие из которых являются лечебными), однако если ма-лина («собачья ягода») подходила для еды и лечения (*Иохельсон* 2005: 592–593, 596), то смородину («заячью ягоду») не ели: «У нас ее не кушали… должно быть заяц ест» (*Курилов* 2001: 403, 511). Грибы не ели, так как считали их нечистой пищей, произрастающей из собачьей мочи. Мелкие орехи карликового кедра также не употребляли, «ведь они такие малюсенькие, как вошки» (*Иохельсон* 2005: 593). Интересную особенность применения лекарственных трав отметил В. И. Иохельсон: юкагиры пользуются ими в лечебных целях в том случае, если они находятся рядом с жилищем именно в тот момент, когда необходимы. Практики их заготовки и хранения не существовало, так как юкагиры считали, что «тот, кто поступает таким образом, будет постоянно нуждаться в этих травах» (*Иохельсон* 2005: 70).

Юкагиры охотно принимали лекарства русских (*Иохельсон* 2005: 71). В их словаре присутствуют слова со значением «лекарь, заниматься лечением, лекарство», причем «лекарство» буквально означает «еда лекаря» (*Курилов* 2001: 38, 40).

Итак, для традиционных медицинских воззрений юкагиров характерны мистико-магические представления о болезнях и лечении (персонификация болезни, необходимость правильного контакта с духом болезни и другими окружающими духами, убеждения о том, что своими действиями можно спровоцировать болезнь, например, заготавливая лекарственные травы впрок и т. п.). Эти понятия обуславливают способы лечения: в арсенале юкагиров имеются как рациональные (траволечение, окуривание, прижигание, массаж и др.), так и магические способы воздействия; особо выделяется шаманское лечение, которое, хоть и является, по сути, магическим, но содержит, как отмечают специалисты, и вполне рациональные приемы. Имелись как правильные представления об анатомии человеческого тела и функционировании его органов, так и иррациональные, например, о ходе беременности и родов (например, «прилипание» ребенка в спине, боку или животу женщины). В заключение можно сказать, что представления о гигиене, здоровье, болезнях и их лечении в традиционной культуре юкагиров хорошо развиты и сохранились как в этнографических записях XIX–XX вв., так и в языке, что позволяет не только составить картину их народно-медицинских знаний, но и в некоторой степени выявить их ценностные ориентиры и смыслы.

Источники и материалы

- Аргентов А. И.* Путевые записки священника миссионера Андрея Аргентова в приполярной местности. Санкт-Петербург, 1857. 68 с.
- Аргентов А. И.* Пятнадцать лет в Нижнеколымском крае: 1843–1857 гг.: (из воспоминаний священника). Томск: Типография «Сибирского Вестника», 1869. 31 с.
- Зензинов В. М.* В гостях у юкагиров // Этнографическое обозрение. 1914. № 1–2. С. 106–126.
- Иохельсон В. И.* Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе В. И. Иохельсоном; изд. Император. акад. наук. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1900. Ч. 1: Образцы народной словесности юкагиров: тексты с переводом. 1900. XV. 240 с.
- Курилов Г. Н.* Юкагирско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2001. 608 с.

Линденгау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока /пер. с нем., подгот. текста примеч. и предисл. З. Д. Титовой; под общ. ред. И. С. Вдовина. Магадан: кн. Изд-во, 1983. 176 с.

Научная литература

- Ефимова А. А. Низкожирное животное масло «Якутский хаях» // Наука и техника в Якутии. 2006. № 1. С. 86–89.
- Жукова Л. Н. Злоказненные силы в традиционных верованиях и фольклоре лесных юкагиров // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 77. С. 196–206. <https://doi.org/10.17223/19988613/77/23>
- Иохельсон В. И. Юкагиры и юкагиризованные тунгусы. Новосибирск: Наука, 2005. 675 с.
- Майнов И. И. Население Якутии // Якутия: Сб. ст. / Под ред. П. В. Виттенбурга; Авт. предисл. С. Ф. Ольденбург. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. С. 275–320.
- Спиридонов Н. И. (Тэки Одулок). Одулы (юкагиры) Колымского округа. Якутск: Издательство «Северовед», 1996. 80 с.
- Туголуков В. А. Кто вы, юкагиры? М.: Наука, 1979. 152 с.
- Федорова Г. В., Вяльцин С. В., Новокщенова И. Е. К истории медицины в Сибири: Ханты-Мансийский округ // Омский научный вестник. 2006. № 2. С. 258–262.

References

- Efimova, A. A. 2006. Nizkozhirnoe zhivotnoe maslo «Yakutskij hayah» [Low-fat Animal Oil “Yakutsky hayah”]. *Nauka i tekhnika v Yakutii* 1: 86–89.
- Zhukova, L. N. 2022. Zlokaznennyye sily v traditsionnykh verovaniyakh i fol’klore lesnykh yukagirov [Evil Forces in Traditional Beliefs and Folklore of the Forest Yukaghirs]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Iстория* 77: 196–206. <https://doi.org/10.17223/19988613/77/23>
- Iohelson, V. I. 2005. *Yukagiry i yukagirizovannye tungusy* [Yukaghirs and Yukaghirized Tunguses]. Novosibirsk: Nauka. 675 p.
- Mainov, I. I. 1927. Naselenie Yakutii [The Population of Yakutiya]. In *Yakutia* [Yakutiya], ed. by P. V. Vittenburg. Leningrad: Izdatel’stvo AN SSSR. 275–320.
- Spiridonov, N. I. (Teki Odulok). 1996. *Oduly (yukagiry) Kolymskogo okruga* [Oduly (Yukaghirs) of the Kolyma District]. Yakutsk: Severoved. 80 p.
- Tugolukov, V. A. 1979. *Kto vy, yukagiry?* [Who are You, Yukaghirs?]. Moscow: Nauka. 152 p.
- Fedorova, G. V., S. V. Vialtsin, and I. E. Novokshchenova. K istorii meditsiny v Sibiri: Khanty-Mansiiskii okrug [On the History of Medicine in Siberia: Khanty-Mansiysk Okrug]. *Omskii nauchnyi vestnik* 2: 258–262.